

Л. Л. Карпова (Ижевск)

**Т. И. Тепляшина как исследователь
диалектов удмуртского языка**

Сфера научной деятельности Т. И. Тепляшиной очень многогранна. Внимание ученого привлекали разные области удмуртского языкознания: диалектология, топонимика, фонетика, лексикология, лексикография. Особенно значительным является ее вклад в исследование удмуртских диалектов. Как отмечает В. К. Кельмаков, с ее именем связано становление третьего, теоретического, этапа истории удмуртской диалектологии, когда в 1955 г. ею было подготовлено первое монографическое описание (диссертационного уровня) одного из удмуртских диалектов – тыловайского [Кельмаков 1998: 39].

Научную деятельность Т. И. Тепляшина начала как диалектолог. Свыше двадцати ее научных изысканий касаются проблем удмуртской диалектологии. Среди работ ученого в этой области языкознания выделяются, с одной стороны, исследования, посвященные описанию особенностей отдельных пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка, и, с другой, – работы, затрагивающие некоторые общие вопросы современной удмуртской диалектологии, в частности, междиалектные явления, разработка критериев диалектного членения

удмуртского языка, межъязыковые контакты, методика описания диалектов. Поэтому для более детального представления диапазона научных изысканий Т. И. Тепляшиной как диалектолога рассмотрим эти исследования в двух вышеуказанных аспектах.

Огромная работа проделана Т. И. Тепляшиной по изучению и описанию различных удмуртских говоров и диалектов. С первых дней своей научной деятельности она собирала диалектные материалы удмуртского языка в непосредственном общении с носителями множества его говоров. Ею было совершено несколько десятков научных экспедиций к удмуртам, проживающим в северных и центральных районах Удмуртии, Кировской области, Мари Эл, Татарстане, в результате которых был собран уникальный фольклорно-диалектологический материал. Итогом этих поездок стали десятки статей диалектологического и топонимического характера. Объектом исследования ученого явились как североудмуртские, срединные говоры, так и бесермянское наречие, не остались вне внимания и периферийно-южные говоры. Но больше всего в этом отношении повезло североудмуртским говорам, которым юбиляр посвятила целую серию своих работ. Исследование диалектов Т. И. Тепляшина начала с изучения североудмуртских говоров бассейна р. Иты. Она обратила серьезное внимание на сбор и систематизацию диалектного материала родного ей тыловайского говора. Кандидатская диссертация “Тыловайский диалект удмуртского языка” [1955], выполненная под руководством В. И. Лыткина, стала одной из первых монографий, где была представлена методика описания диалекта как цельной языковой системы. В работе автор довольно подробно останавливается на рассмотрении фонетических и морфологических особенностей говора удмуртов бассейна р. Иты. Примечательным является и то, что в своей работе Т. И. Тепляшина с применением экспериментальных методов рентгенографии и палатографии рассмотрела артикуляцию отдельных гласных и согласных тыловайского диалекта. Этот научный труд в определенной степени послужил толчком в дальнейшем для других исследователей в деле изучения удмуртских диалектов. Заметим, что к настоящему времени “... вслед за данной работой составлены монографические описания (большинство – диссертационного уровня) 7 удмуртских диалектов: бавлинского [Тараканов 1958], кукморского [Кельмаков 1969], средневосточных [Бушмакин 1971], буйско-таныпского [Насибуллин 1973], прикильмезских [Загуляева 1980] говоров, бесермянского наречия [Тепляшина 1970а] и среднечепецкого диалекта [Карпова 1997]: два последних из монографических исследований опубликованы” [Кельмаков 1998: 39]. Позднее тыловайскому диалекту была посвящена и

другая статья “Фонетическая характеристика тыловайского говора” [Тепляшина 1957], где автор на фоне системы фонетики удмуртского языка осветила характерные черты тыловайского диалекта.

Следующей работой из ряда диалектологических исследований по северноудмуртским говорам является статья “Некоторые особенности глазовского диалекта” [Лыткин, Тепляшина 1959: 218–227], написанная совместно с В. И. Лыткиным по материалам лингвистической экспедиции 1954 г. Следует отметить, что условно названный авторами “глазовский диалект”, согласно современной терминологии диалектного членения удмуртского языка, соответствует среднечепецкому диалекту. В работе находят отражение не только фонетические особенности диалекта, но также отдельные морфологические и лексические особенности. Одной из характерных фонетических черт описываемого диалекта, по мнению исследователей, является наличие в вокалической системе заднерядного варианта *ъ* гласной фонемы *ы*. Особенно ценным является то, что авторы при этом не ограничиваются только констатацией данного явления, но и приводят список населенных пунктов, где встречается этот звук на обследованной ими территории. В конце статьи представлен перечень диалектных слов объемом 176 лексем и 1 текст образца речи. В целом, авторы довольно точно отметили наиболее характерные черты исследованного ими диалекта, хотя отдельные высказывания о некоторых особенностях фонетических различий, к примеру, об употреблении в глаголах сочетаний *дз* и *мс*, нуждаются в уточнении.

В статье “Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия” [Тепляшина 1970: 156–196] объектом детального изучения явились говоры удмуртов, проживающих в Слободском и Зуевском районах Кировской области. В данном исследовании автор выявляет наиболее отличительные особенности рассматриваемых говоров на фонетическом и морфологическом уровнях и приходит к выводу, что по своим наиболее характерным чертам они входят в состав северноудмуртского наречия. Но, как замечает Т. И. Тепляшина, “вследствие административной изолированности от основной массы удмуртского населения, а также из-за отсутствия обучения в школе на родном языке нижнечепецкие говоры не испытывают влияния удмуртского литературного языка; они развивались и развиваются по своим собственным фонетическим и морфологическим законам; в результате выработали в своем самостоятельном развитии ряд особенностей” [Тепляшина 1970: 189]. В системе фонетики исследователь указывает, в частности, на такие явления: 1) освоение русских заимствований с *о* через *ö* (*разндй*); 2) употребление неслогового *ÿ* (у Тепляшиной: *w*) в начале некоторых слов перед гласным *a* (*wazь*

'рано'); 3) мягкое произношение шипящих и свистящих аффрикат; и т. д. К своеобразиям говоров в области морфологии автор относит, например: 1) наличие суффикса сравнительной степени *-жык* (*сьоддэжык* 'чернее, темнее'); 2) своеобразное выражение превосходной степени (*горд да горд* 'очень красный'); и др. Завершает данную работу приложение с текстами образцов речи, включающее в себя отдельные предложения, сочетания слов и фразеологизмы, расшифрованные автором из магнитофонных записей.

Проблеме функционирования вторичных пространственных падежей, имеющих место в говорах севернoudмуртской диалектной зоны, посвящена специальная статья "О новых удмуртских падежах" [Тепляшина 1981: 285–292]. В работе исследователь касается вопроса о происхождении вторичных приблизительноместных падежей в удмуртском языке, подробно останавливается на выявлении их семантики и функций. Автор отмечает, что в севернoudмуртских диалектах реально употребляется 6 вторичных пространственных падежей. В отличие от показателей обычных местных падежей, суффиксы приблизительноместных падежей обладают определенным значением, указывая, по мнению исследователя [Тепляшина 1981: 287], на нахождение или действие по отношению к конкретному месту, к конкретному лицу.

Из срединных говоров объектом внимания Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1973: 196–223] стали верхнеижские говоры, распространенные в бассейне р. Иж. Эти говоры до нее практически никем не исследовались. Анализируя фонетические, морфологические и лексические особенности данных говоров, автор приходит к заключению, что они не представляют исконного единообразия. По ее мнению, они сформировались на основе северных и южных диалектов, но вместе с тем имеют свои закономерности, отличающие их от других говоров (например, сохранение этимологических аффрикат, особые пути русских заимствований и др.) и представляют собой группу переходных или так называемых срединных говоров удмуртского языка. К сожалению, до настоящего времени многие срединные говоры остаются пока не изученными.

Ряд интересных работ Т. И. Тепляшиной связан с исследованием южноудмуртских говоров. В частности, описанию языка удмуртов, проживающих в бассейне реки Шошмы, в Татарстане, Марий Эл и Кировской области, посвящена статья "Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка" [Тепляшина 1961: 125–139]. По материалам научной командировки в данный регион автор в работе останавливается на освещении некоторых звуковых особенностей шошминского говора, обусловленных в какой-то степени

иноязычным влиянием (кроме удмуртов на этой территории живут татары, русские и марийцы). В частности, рассмотрев специфические особенности в системе гласных, автор приходит к выводу, что лабиализованные гласные \ddot{o} и \ddot{y} в данном говоре сохранились вследствие того, что носители говора контактировали с марийцами, татарами, в языке которых функционируют данные гласные. Из отличительных черт в области согласных описываемого говора Т. И. Тепляшина отмечает своеобразную артикуляцию аффрикат (все четыре аффрикаты произносятся мягче), переход согласного \ddot{y} в начале слова в δ' ($\delta'y$ 'пей'), наличие смычно-проходного согласного η только перед взрывными z , k в середине слова и т. д. Следует отметить, что данная статья является пока единственным исследованием по языку шошминских удмуртов.

Большую ценность представляют многочисленные исследования Т. И. Тепляшиной по языку бесермян – одной из этнографических групп удмуртов, происхождение которых до настоящего времени в историко-этнографической и лингвистической литературе остается дискуссионным. Согласно модели диалектного членения удмуртского языка, принятой в последнее время в кругу диалектологов, язык бесермян рассматривается в качестве отдельного наречия удмуртского языка. Наиболее значимой и фундаментальной из этой серии её работ является книга "Язык бесермян" (1970а) – первая опубликованная монография по удмуртским диалектам. В данном обширном исследовании Т. И. Тепляшина впервые подробно рассматривает фонетические и морфологические явления бесермянского наречия в сравнении с другими удмуртскими диалектами и тюркскими языками. В фонетике автор выявляет следующие особенности языка бесермян: 1) отсутствие гласного \ddot{o} ; 2) наличие свистящих фрикативных (s , z) вместо этимологических шипящих ($ш$, $ж$); 3) отсутствие твердых аффрикат (\ddot{c} , \ddot{c}'); 4) функционирование заднерядного варианта \ddot{y} (у Тепляшиной: θ) гласного y ; 5) смягчение согласных под влиянием соседних гласных переднего ряда (\ddot{e} , u). Ряд специфических черт отмечен Т. И. Тепляшиной в морфологической системе бесермянского наречия. Некоторые из этих особенностей сходны с северно-удмуртскими говорами, в частности: 1) функционирование в именных формах серии приблизительноместных падежей; 2) наличие у существительных словообразовательного аффикса $-n'u$; 3) оформление датива личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа без падежного показателя $-ль$; и др. На основе анализа языковых материалов автор пытается в данной работе решить проблему происхождения бесермян и склоняется к мысли об их болгарском происхождении. Идея о тюркском происхождении бесермян прослеживается также в другой статье учено-

го “Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян” [Тепляшина 1975]. Рассмотрев ряд особенностей бесермянского консонантизма, который не характерен для остальных пермских языков и не может быть объяснен материалами других финно-угорских языков, но находит параллели в тюркских языках и в сопредельных с ними некоторых диалектах финно-угорских языков Волго-Камья, Т. И. Тепляшина считает возможным объяснить отмеченные своеобразия только субстратом.

Освещение ареальных явлений в языках Волго-Камья на материале бесермянского наречия имеет место и в ряде других работ исследователя. В частности, рассмотрению таких ареальных особенностей в языке бесермян, как-то: подмена шипящих звуков свистящими, палатализация согласных переднерядными гласными, явление гамзы – посвящены отдельные статьи автора [Тепляшина 1971: 5–12; 1971а: 201–204; 1972: 35–40].

В виде отдельных публикаций и в качестве приложений к статьям исследователем изданы также многочисленные текстовые материалы образцов речи по отдельным диалектам удмуртского языка [Лыткин, Тепляшина 1959: 226–227; Тепляшина 1962: 282–304; 1970: 190–196; 1970а: 250–284].

Ряд интересных работ Т. И. Тепляшиной связан с рассмотрением вопросов междиалектных явлений удмуртского языка. В частности, одна из статей посвящена вопросу реализации звука *j в удмуртских диалектах [1973: 201–205]. Аналаутный финно-угорский *j в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке, как правило, сохранился. Наряду с этим встречается несколько слов, в основном в южном и бесермянском наречиях, в которых древний *j начала слова заменился сонорным л'. В другой группе слов в отдельных периферийно-южных говорах аналаутный *j изменился в д' и э. Как отмечает Т. И. Тепляшина, переход *j в л' осуществился в удмуртском языке по внутренним причинам, а д'-еканье и э-еканье возникло в периферийно-южных говорах под влиянием татарского языка, причем л'-еканье предшествовало д'-еканью [Тепляшина 1973: 205].

В следующей из этой серии статье “Употребление формантов аккумулятива множественного числа в удмуртских диалектах” [Тепляшина 1975а: 170–185] автор, сравнивая географическое распространение формантов *-ты*, *-ыз* и их вариантов из категорий местоимений с распространением показателя винительного падежа существительных в различных диалектах, приходит к заключению, что все удмуртские говоры по употреблению формантов аккумулятива множественного числа делятся на два типа:

m-овые и *c*-овые. Как далее отмечает исследователь, первые характерны для северных говоров, вторые – для южных [Тепляшина 1975а: 185].

Вопросы диалектного членения удмуртского языка на современном этапе его развития нашли отражение в нескольких публикациях юбиляра. В частности, в очерке по удмуртскому языку, представленного в III томе серии книг “Языки народов СССР” (1966), исследователь в удмуртском языке выделяет 3 наречия (северное, южное, юго-западное) и группу промежуточных говоров, т. е. срединных (по терминологии автора: средние), которые имеют ряд своих особенностей как в фонетике и лексике, так и в морфологии и синтаксисе [Тепляшина 1966а: 278–280].

В другой работе “Исторические изменения фонетики пермских языков – признаки диалектного членения” [Тепляшина 1973а: 44–46] исследователем сделана попытка положить в основу классификации удмуртских диалектов, помимо других, некоторые особенности консонантизма: “ 1) наличие/отсутствие фонемы *ŋ* (у автора: *ng*); 2) варьирование фонемы *l* (*l/ŷ*; у автора: *l/w*) в определенных позициях в слове; 3) различия в развитии общепермских аффрикат *ʃc*, *ʒ*, *č* и *ч*” [Кельмаков 1987: 27]. Однако данный способ диалектного членения практически применим в удмуртской диалектологии, по справедливому мнению В. К. Кельмакова [1987: 27–28], при исследовании лишь частных явлений структуры языка, в данном случае – при рассмотрении отдельных вопросов диалектного консонантизма.

Не остались вне внимания Т. И. Тепляшиной-диалектолога вопросы методического характера. В частности, в целях планомерного изучения удмуртских говоров ею была составлена “Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах” (1966а), которая была ориентирована на исследование современного состояния удмуртских диалектов. Вместе с этим автором сделан особый акцент на изучение проблем сравнительно-исторического и научно-методического характера. Это своего рода первая программа по сбору удмуртского диалектного материала, которая предусматривает изучение диалекта как целостной системы практически на всех основных уровнях языка: фонетическом, морфологическом и лексическом. Следует отметить, что эта программа и сейчас является основным пособием и ориентиром в деле изучения диалекта как для начинающих, так и опытных специалистов.

Таковы вкратце научные изыскания Т. И. Тепляшиной-диалектолога, касающиеся как описания отдельных пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка, так и некоторых общих вопросов современной удмуртской диалектологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневожжичных говоров удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + [Приложение] 350 с.

Загуляева Б. Ш. Прикильмезские говоры удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1980. 174 с.

Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969. XXX + 475 + [Приложение] 175 с.

Кельмаков В. К. К вопросу о диалектном членении удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Удм. ун-т. Ижевск, 1987. С. 26–51.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография (= Удмурт вераськетьёс 3). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Лыткин В. И., Тепляшина Т. И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 218–227.

Насибуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1973. 202 + [Приложение] 325 с.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. 310 с.

Тепляшина Т. И. Тыловайский диалект удмуртского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 114–140.

Тепляшина Т. И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Марийский НИИ языка, лит., ист. Йошкар-Ола: Мар. Кн. изд-во. 1961. Вып. XV: Вопросы языка, лит. и фольклора. С. 125–139.

Тепляшина Т. И. Удмуртский язык: Глазовский диалект. Бесермянский диалект. Слободской диалект. Тыловайский диалект. Шошминский диалект // Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рожд. члена-кор. АН СССР Д. В. Бубриха / АН СССР. Ин-т языкозн. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 282–304.

Тепляшина Т. И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн.; Петрозаводский ин-т ЯЛИ. М.; Л.: 1964. С. 136–145.

Тепляшина Т. И. Краткая программа-вопросник по собиранию сведений об удмуртских диалектах / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1966. 96 с.

Тепляшина Т. И. Удмуртский язык // Языки народов СССР / АН СССР. Науч. совет по комплексной проблеме "Закономерности развития национальных

языков в связи с развитием социалистических наций. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1966а. Т. 3 Финно-угорские и самодийские языки. С. 278–280.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970. 288 с.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. Вып. 21: Филология. С. 156–196.

Тепляшина Т. И. Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья // СФУ. 1971. № 1 (VII). С. 5–12.

Тепляшина Т. И. Влияние переднерядных гласных на качество согласных в языке бесермян // СФУ. 1971а. № 3 (VII). С. 201–204.

Тепляшина Т. И. Об одном волжско-камском ареальном явлении // Советская тюркология. 1972. № 3. С. 35–40.

Тепляшина Т. И. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1973. – Вып. 2: Сб. ст. и материалов. С. 196–223.

Тепляшина Т. И. Исторические изменения фонетики пермских языков – признаки диалектного членения // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. // АН СССР. ОЛЯ. Науч. совет по диалектологии и истории языка. Ин-т русского языка; АН Арм. ССР. Ин-т языка. М., 1973а. С. 44–46.

Тепляшина Т. И. Древнебулгарские субстратные явления в языке бесермян // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17.–23. VIII 1970 / Acta redigenda curavit P. Ariste. Tallinn: Valgus, 1975. Pars I: Acta linguistica. С. 562–567.

Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku 20.–27.VIII.1980. Turku, 1981. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morphologica, syntactica et semantica. С. 285–292.

Тепляшина Т. И. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. 1975а. № 3 (XI). С. 170–185.

Tepljašina T. I. Die Realisierung des Lautes *j in den udmurtischen Mundarten // СФУ. 1973. № 3. С. 201–205.